

Сумарокова Людмила Николаевна

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент

Г. ХАРТ О СООТНОШЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Существует определенная логика использования понятий в юридических дискурсах. Невнимание к этой логике ведет не только к теоретическим неточностям, но и к ошибкам в юридических практиках. Детализация и обоснование этих двух утверждений с помощью некоторых идей Г. Харта – главная цель предлагаемых ниже размышлений.

Г.Л.А. Харт, видный представитель аналитической философии права, уже в одной из своих ранних работ [1] указал на специфику употребления слов и выражений в таких юридических текстах и, соответственно, практических действиях как исковые заявления, обвинительные акты, признания, решения суда, приговоры и т.п. Речь идет о необходимости дифференциации дескриптивных и недескриптивных смыслов выражений, то есть, в конечном счете, о процессах категоризации языка права. От того, *как* это происходит, по Харту, зависит разграничение теоретических и практических вариантов работы с понятиями – предикатами юридически значимых утверждений.

Например, предложения формы «Это сделал он» традиционно считаются дескриптивными, то есть воспроизводящими реальное положение дел, констатирующими факт. Однако в действительности, отмечает Г. Харт, это не только не единственная, но и не главная их функция: «Их основная функция, которую я рискну назвать аскриптивной, буквально заключается в том, чтобы приписывать ответственность за действия» [1, с. 27]. Подобным образом функция выражений формы «Это – мое», «Это – твое», «Это – его» состоит в приписывании (или признании) права собственности, равно как выражения типа «Это теперь его» – в передаче (переходе) права собственности и т.п. [там же]. Иными словами, за этими выражениями признается, кроме функции сообщения знания о действительности, еще и функция осуществления некоторого *действия говорящего субъекта*: субъект *приписывает, передает* право или ответственность; он *претендует* на право, он *признает, возлагает* ответственность. При таком – аскриптивном – употреблении языковые выражения не являются, строго говоря, ни истинными, ни ложными. Они могут быть либо приемлемыми, либо неприемлемыми – на каких-то основаниях, при определенных условиях. «Наше понятие действия, подобно понятию собствен-

ности, является социальным понятием и логически зависит от принятых правил поведения» [1, с. 47].

При дескриптивном употреблении фиксируется гносеологический аспект правового исследования, нацеленного на получение знания и установление его истинности (например: «этот участок земли – квадратный»). При аскриптивном употреблении важен прагматический аспект, фиксирующий определенное притязание субъекта, включенного в социальные отношения (например: «этот участок земли мною приватизирован»). Правоведы в этих случаях признают существование «деятельностных слов» (*operative words*), а Дж.Л. Остин – «перформативов», в которых действие не описывается, а осуществляется (*performatory*) [1, с. 42]. В случае перформативов, отмечает Харт, употребляется настоящее время, а «аскриптивное употребление применяется в основном в прошедшем времени, где глагол часто и вневременен, и прямо указывает на прошлое как отличное от настоящего» [1, с. 45]. Это представляется вполне естественным, так как аскриптив касается уже совершенного действия, а перформатив – действия, совпадающего по времени с говорением (слово = действие). Харт называет «фундаментальной ошибкой» сведение процесса принятия юридического решения к формуле: «факты + нормы права + юридические следствия из фактов», поскольку эта формула игнорирует *действия* субъектов, в том числе действия, состоящие в приписывании права или ответственности.

В практических юридических контекстах в центре внимания находится как раз именно действие, предполагающее правила и исключения из них. Возможность исключения Г. Харт называет *отменяемостью*, и считает, что она присуща любому аскриптивному выражению. Термин «отменяемость» взят автором из практики функционирования имущественного права. Имущественное право «подлежит прекращению или отменяется при ряде различных случайных обстоятельств, но остается неприкосновенным, если таких непредвиденных обстоятельств нет» [1, с. 31]. Харт рассматривает, в частности, юридическое понятие «договор» как типичное аскриптивное, а значит – отменяемое понятие. Практика применения этого понятия предполагает анализ *притязаний, обязательств*, выраженных договором, и поиск *возражений* против этих обоснованных притязаний и обязательств. Возражения могут быть весьма разнообразными. Они могут, к примеру, касаться *процедур использования знания* и указывать на намеренное или ненамеренное введение в заблуждение или умышленное сокрытие фактов. Возражения могут затрагивать *волю* субъекта, например, указывать на принуждение или злоупотребление влиянием. Возражения могут охватывать и *знание*, и *волю* (невменяемость,

опьянение). Наконец, возражения могут касаться *внешних* по отношению к данному действию факторов – например, противоречия договора принципам общей практики права – или могут быть связанными с «невозможностью выполнения» или с «сорвавшимся договором» вследствие непреодолимых и непредвиденных обстоятельств [1, с. 32]. Теоретики иногда делают попытки ввести в число необходимых внутренних признаков и условий договора (то есть в его дескриптивную часть) соблюдение неких общих правовых принципов, например, такого: «согласие должно быть подлинным, полным и свободным» [1, с. 34]. На это Харт возражает, что данный принцип является верным «только если рассматривается в качестве сжатого указания на возражения, согласно которым притязания договора могут быть ослаблены или оспорены [там же]. Иными словами, предикаты «подлинный», «полный» и «свободный» – аскриптивные понятия, и значит – отменяемые.

В процессе анализа дескриптивных и аскриптивных выражений задействованы разные критерии: для дескриптивных, направленных на субъект-объектное отношение, важна оппозиция объективно истинного и объективно ложного знания, а для аскриптивных, направленных на субъект-субъектное отношение, – оппозиция нормативно обязательного и случайного, не обязательного действий. Это разные отношения, делающие возможными разные варианты разбиения понятий по разным группам критериев.

В логической теории наиболее изученными являются дескриптивные высказывания, несколько менее – недескриптивные. Наименее исследованным является *соотношение* между ними и в теоретических, и в практических контекстах.

Отметим, что наблюдения Г. Харта касаются важных различий в самой логике функционирования понятий и, более того, обнаруживают новые глубины в фундаментальной философской проблеме, определяющей во многом и всю философию права – проблеме истины. Преобладание в практических контекстах юриспруденции аскриптивных способов употребления понятий, как стало казаться многим, позволяет принять вывод о неприменимости здесь понятия истины, во всяком случае, в его классической интерпретации. Так Т.В. Лукашкина высказывает предположение, что для фактических данных, принимаемых в криминальном процессе в качестве доказательств, требование истинности часто приходится понимать конвенционально как наличие согласия, достигнутого при соблюдении определенных условий и правил [2, с. 83, 91-92, 165]. Это можно, по-видимому, объяснить тем, что то, что называют фактическими данными, содержит в себе значимый аскриптивный момент, и потому оценивается не столько с помощью критерия истинности, сколько с помощью

более широкого критерия рациональной приемлемости. «Различие между истиной и рациональной приемлемостью в определенной степени занимает место различения между «вещью самой по себе» и явлением», — отмечает Ю. Хабермас [3, с. 35]. Поскольку все дискурсы «укоренены в жизненных мирах» их участников, а понятие действительности внутренне связано с понятием истины, считает философ, отказ от понятия истины является иллюзорным, «регулятивная функция ориентации на истину» неизбежно присутствует в деятельности разума — в той мере, в какой он принимает понятие реальности [3, с. 34].

В качестве предварительного вывода отметим, что оба способа употребления понятий — и дескриптивный, и аскриптивный — дополняют друг друга, являются равно необходимыми, а их противопоставленность в правовых контекстах относительна; она возникает и закрепляется как проявление неизбежной диалогичности юридических дискурсов (вплоть до конфликтности), а также как результат динамики правового мышления, направленной на уравнивание в нем моментов «догматичности» и «критичности», «объектности» и «субъектности» в знаниях и действиях.

Список использованной литературы:

1. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Герберт Лайонел Адольф Харт. Философия и язык права. — М.: Канон, 2017, с. 27-52.
2. Кримінальний процес України. / Аленін Ю.П., Пашковський М.І., Лукашкіна Т.В. та ін. — Х.: «Одіссей», 2010. — 328 с.
3. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. / Юрген Хабермас. — М.: Весь мир, 2011. — 336 с.

Матюшина Інна Іванівна

Національний університет «Одеська юридична академія»,
доцент кафедри філософії,
кандидат філософських наук

СТРУКТУРА ПОНЯТТЯ «ЛЕГІТИМАЦІЯ ЗНАННЯ»

Проблема легітимациі знання наразі є достатньо актуальною, оскільки безпосередньо пов'язана зі змінами в системі освіти.

Для того, щоб зрозуміти, як відбуваються зміни в системі легітимациі знання, які саме зміни, необхідно звернутись до структури легітимациі як такої. Варіант структури легітимациі було запропоновано у статті М. Тура «Поняття легітимациі: основні парадигми розуміння» [1], що дозволила авторові